

Процессы социальной идентификации, групповая динамика и поведение комбатантов

**Эмануэле Кастано, Бернад Лейднер
и Патриция Славута***

Эмануэле Кастано преподает в Новой школе социальных исследований,
Нью-Йорк;

Бернард Лейднер и Патриция Славута — аспиранты того же учебного
заведения.

Краткое содержание

В данной статье соблюдение международного гуманитарного права рассматривается с точки зрения социопсихологии, согласно которой социальная идентификация индивидуумов, производная от их принадлежности к социальной группе, генерирует нормы и ценности, используемые ими для интерпретации событий, формирования мнений и принятия решений о линии поведения. Мы утверждаем, что групповая идентичность играет особенно важную роль в боевых

* Написанию этой статьи способствовали грант Национального научного фонда США (NSF), полученный первым автором, и стипендия для молодых исследователей, предоставленная второму автору Фондом Готлиба Даймлера и Карла Бенца. Мы благодарим Мэри Хуэвелер за редакторские предложения по более ранней версии настоящей публикации.

ситуациях и оказывает большое влияние на решения комбатантов соблюдать или нарушать международное гуманитарное право.

Нарушения международного гуманитарного права (МГП) совершаются индивидуумами, и чтобы понять их причины и — хотелось бы надеяться — предотвратить их совершение, необходимо рассмотреть факторы, определяющие такое поведение. Поэтому нам нужно проанализировать групповое измерение и, если говорить более конкретно, роль, которую играет социальная идентичность в восприятии ситуации и формировании поведения.

Под социальной идентичностью мы понимаем «ту часть самооценки индивидуума, которая обусловлена его осознанием принадлежности к той или иной группе, а также ценностью и эмоциональным значением, придаваемыми членству в этой группе»¹. Хотя мы можем считать свои установки и поведение уникальными, однако в действительности наши мысли и поступки где-то в глубине формируются нашими связями с социальными группами — от широчайших и абстрактных групп, таких как этнические и религиозные общности, до небольших рабочих групп и семьи. Все эти связи образуют вложенную и перекрестную социальные идентичности, которые направляют и определяют наш опыт и предписывают тот или иной образ мыслей, жизни и действий. Иными словами, они делают нас тем, что мы есть, причем настолько, что, может быть, позволительно рассматривать индивидуума как атрибут, производный от таких социальных категорий.

Установки и поведение комбатантов не являются исключением из этого правила. В самом деле, возьмем на себя смелость утверждать, что социальные идентичности комбатантов играют в формировании их поведения даже большую роль, чем в среднестатистических случаях. То есть соблюдение международного гуманитарного права или пренебрежение им в большой степени оказывается производным от группового поведения, причем не только и не столько потому, что нарушения международного гуманитарного права совершаются и решения о его соблюдении принимаются, как правило, группами от малой до средней численности, но, возможно, в первую очередь потому, что комбатант действует не как изолированный индивидуум, а как солдат армии

1 Henri Tajfel and John Turner, «An integrative theory of intergroup conflict», in William Austin and Stephen Worchel (eds.), *The Social Psychology of Intergroup Relations*, Brooks-Cole, Monterey, Calif., 1979.

той или иной страны или негосударственной армии, которая мыслит себя в политических, религиозных или идеологических категориях. Хорошо известно, что обучение комбатантов, если не брать его технические аспекты, в значительной степени является процессом деперсонализации как самого комбатанта, так и неприятеля². Причина заключается в том, что подвергнуть дурному обращению, пытаться или убить другое человеческое существо индивидууму трудно, а вот для члена группы А гораздо проще это сделать по отношению к члену группы Б.

В двух разделах настоящей статьи нарушения анализируются посредством понятия социальной идентичности, но в них рассматриваются разные его аспекты.

В первой части изучается роль коллективных идентичностей в определении поведенческих ориентиров для индивидуума. Мы кратко останавливаемся на интерпретации, которую зверства, совершенные во время Второй мировой войны, получили в общественных науках в послевоенный период, и утверждаем, что, хотя многие точки зрения, высказанные тогда, сохраняют свою актуальность (в частности суждение, согласно которому следует отказаться от мнения о преступниках как индивидуумах с расстройствами личности), важно понимать, что совершающее нарушения лицо действует как член группы. Чтобы выявить мотивы совершения зверств, нам необходимо осознать, что соответствующие деяния нередко видятся людьми по-другому, а именно как необходимое поведение, предписываемое их моральным долгом как членов группы. Во второй части мы более подробно анализируем мотивы социальной идентификации и пытаемся увязать соображения, касающиеся идентичностей, укорененных в широких социальных категориях, таких, например, как страна или этническая группа, с групповой динамикой, характеризующей боевые подразделения.

Роль принадлежности к группе в предписании поведения

Хотя психология изучает психические процессы и поведение вообще, внимание психологов часто привлекают проблемные процессы и схемы поведения либо на уровне индивидуальной психопатологии, либо на уровне общества и коллектива: предрассудки и дискриминация, межгрупповое насилие и конфликты. Для понимания поведения людей на войне и, в более широком плане, факторов, обуславливаю-

2 Jason Burke, *Al-Qaeda: The True Story of Radical Islam*, IB Tauris, London, 2004.

щих соблюдение международного гуманитарного права, чрезвычайно важны теория и выводы исследований в области социопсихологии, поскольку основное внимание эта дисциплина уделяет поведению, которое формируется социальными общностями и институтами и направлено на них, а также на других индивидумов в силу их принадлежности к конкретным социальным группам. Иными словами, психологическая теория очень много дает для понимания того, почему один человек совершает зверства против другого человека³, при том, что в большинстве случаев, относящихся к сфере международного гуманитарного права, имеет место незаконное поведение (и к тому же неэтичное и с моральной точки зрения отвратительное) по отношению к другим лицам со стороны членов той или иной группы, обусловленное их групповой принадлежностью.

Это утверждение может показаться самоочевидным, однако вытекающие из него следствия чрезвычайно важны, но о них часто забывают при анализе причин нарушений, списывая их на счет садистских или других патологических склонностей личности. Объяснение такого поведения определенными чертами характера удовлетворительно с психологической точки зрения⁴, особенно когда нарушитель принадлежит к той же группе, что и мы сами⁵, и его поведение должно быть названо нетипичным, чтобы мы могли и дальше считать себя моральными и справедливыми: «... солдат, который пытал пленного, — садист и чудовище». Хотя в отдельных случаях такие объяснения и могут оказаться отчасти верными, процент вариантов, которые могут быть приписаны действию этих факторов, вероятно, будет небольшим: личность и расстройства личности мало что дают для понимания причин зверств, свидетелями которых мы являемся.

В общественных науках этот вывод был сделан давно и, пожалуй, наиболее ярко Ханной Арендт в отчете о процессе Эйхмана. В нем она подчеркивала, что зло на самом деле совершенно банально. По оценке Арендт, Эйхман вовсе не был чудовищем или какой-то психопатологической личностью. Он был ужасно, невероятно нормальным человеком, а его действия, обернувшиеся гибелью миллионов людей, стали,

3 Russell Geen and Edward Donnerstein, *Aggression: Theoretical and Empirical Reviews*, Academic Press, New York, 1983.

4 Lee Ross, «The intuitive psychologist and his shortcomings: distortions in the attribution process», in Leonard Berkowitz (ed.), *Advances in Experimental Social Psychology*, Vol. 10, Academic Press, New York, 1977, pp. 173–220.

5 Thomas Pettigrew, «The ultimate attribution error: extending Allport's cognitive analysis of prejudice», *Personality and Social Psychology Bulletin*, Vol. 5 (1979), pp. 461–76.

по словам Арендт, следствием желания хорошо сделать свою работу. В данном случае тот факт, что эта работа заключалась в организации массовых убийств, имел второстепенное значение.

Труды Ханны Арендт оказали большое влияние на научное сообщество и помогли отойти от объяснения «зла» исключительно психопатологическими причинами, а ее мысли оказались очень созвучны выводам, сформулированным на основе ставших классическими психологических экспериментов, таких как работа Милгрэма о повиновении⁶ и исследование Зимбардо о тюрьмах⁷. В этих работах также доказывается, что «контекст» способен заставить большинство индивидуумов, а может быть, и всех действовать совершенно немислимым образом. Чего не хватает в этих анализах, так это четкого определения «контекста». В другой работе мы писали, что для понимания интерпретации людьми зверств, совершенных соотечественниками, критическое значение имеют уровень и тип идентификации со «своими» (in-group)⁸. В ряде исследований мы изучали вопрос о том, является ли внутригрупповая ответственность за совершенные зверства (например, за убийство «чужаков», то есть не членов группы) фактором, ограничивающим использование стратегий освобождения от моральных обязательств при столкновении с психологически проблемной ситуацией⁹. В самых недавних исследованиях мы показываем, что, когда зверства (например, пытки и убийства пленных) совершаются «своими», противопоставляемыми «чужакам», индивидуумы более склонны представлять жертв лишенными человеческих и вообще любых положительных качеств и в то же время неохотно идут на возмещение ущерба «чужакам» и на наказание нарушителей из числа «своих». Однако это, как правило, в большей мере свойственно индивидуумам, склонным к приукрашиванию и восхвалению «своих». Например, в одном эксперименте мы раздавали участникам придуманные нами же газетные статьи, где описывались пытки, которым солдаты армии страны принадлежности участников подвергали неприятель-

6 Stanley Milgram, «Behavioural study of obedience», *Journal of Abnormal and Social Psychology*, Vol. 67 (1963), pp. 371–8.

7 Philip Zimbardo, Craig Haney, Curtis Banks and David Jaffe, «The psychology of imprisonment: privation, power and pathology», in Zick Rubin (ed.), *Doing unto Others: Explorations in Social Behaviour*, Prentice-Hall, Englewood Cliffs, N.J., 1974, pp. 61–73.

8 Emanuele Castano, «On the perils of glorifying the in-group: intergroup violence, in-group glorification, and moral disengagement», *Social and Personality Psychology Compass*, Vol. 2 (2008), pp. 154–70.

9 Emanuele Castano and Roger Giner-Sorolla, «Not quite human: dehumanization in response to responsibility for intergroup killing», *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 90 (2006), pp. 804–18.

ских военнослужащих, а затем предлагали им пересказать описанные там события. Проанализировав язык, использованный в пересказе, мы выяснили, что, когда нарушители являются членами «своей» группы (в противоположность «чужакам»), а индивидуумы проявляют высокую склонность к восхвалению «своих» (по внутригрупповой шкале восхваления)¹⁰, атрибуция ответственности становится менее выраженной и проявляется тенденция к минимизации событий. Иными словами, активные восхвалители конструируют другую реальность, когда предосудительное деяние совершается кем-то из «своих». Иные показатели у тех, кто менее склонен к украшательству, и у обеих категорий индивидуумов, когда такое деяние совершается «чужаком»¹¹.

Эти результаты были получены при изучении не комбатантов, а выборки из населения США (в других культурах они повторяются)¹². Однако они дают представление о типе контекстов, рассматриваемых в настоящей статье, а именно о ситуациях, имеющих отношение к соблюдению международного гуманитарного права. Мы придерживаемся мнения, что сама связь с членами своей группы является ключевым фактором для понимания того, как происходят предосудительные действия. При этом повинование властям или «ответственное отношение к работе» тоже важны и иногда могут играть самостоятельную роль, не зависящую от групповой принадлежности соответствующего лица¹³. Однако в гораздо большей степени предосудительные поступки вообще и специально рассматриваемые здесь нарушения международного гуманитарного права происходят из-за того, что индивидуумы считают свое поведение моральным долгом на групповом уровне — в противовес «просто» ненаказуемому поведению. Критическим фактором является, как это убедительно показали Райхер и его коллеги¹⁴, не только и не столь-

10 Sonia Roccas, Yechiel Klar and Ivo Liviatan, «The paradox of group-based guilt: modes of national identification, conflict vehemence, and reactions to the in-group's moral violations», *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 91 (2006), pp. 698–711.

11 Patricia Slawuta, Bernhard Leidner and Emanuele Castano, ms. submitted for publication, 2008.

12 Sabina Cehajic, Rupert Brown and Roberto Gonzales, «Dehumanization of the Mapuches in Chile», unpublished ms., 2007.

13 Следует отметить, что даже эти два фактора теснейшим образом связаны с рассматриваемой здесь социальной идентификацией. Мотивом для хорошего выполнения работы является желание продвинуться в определенной социальной среде или группе и заслужить уважение других членов группы. Аналогичным образом власть, которой предлагается повинование, существует не в социальном вакууме, а скорее в рамках конкретной социальной общности или определенного института.

14 Stephen Reicher, Alexander Haslam and Rakshi Rath, «Making a virtue of evil: a five-step social identity model of the development of collective hate», *Social and Personality Psychology Compass*, Vol. 2 (2008), pp. 1313–44.

ко то, что поведение «в норме», а то, что оно выступает как требование морали. Другими словами, нельзя сказать, что убийство других людей и причины убийства представителей конкретной группы не имеют значения. Напротив, значение этому придается большое. И те, кто совершает такие деяния, вероятно, думают, что, убивая других, они исполняют свой моральный долг¹⁵. Мы считаем, что именно «восхвалители своих», которые, как мы видели, проявляют большую, чем другие члены группы, склонность отказывать жертвам в положительных, да и вообще человеческих, качествах, с наибольшей вероятностью при случае совершат действия, связанные с той или иной формой дурного обращения.

В предыдущем разделе мы представили более адекватное, на наш взгляд, объяснение детерминант зверств на межгрупповом уровне по сравнению с объяснением (расстройства личности), которое предлагают популярная литература и средства массовой информации, а также и общественные науки, когда особое внимание уделяется ролям, которые играют индивидуумы, и желанию оправдать ожидания начальства и окружающих. В частности, мы рассмотрели вопрос о том, каким образом восхваление «своих» и представление событий с их точки зрения могут становиться ключевыми факторами для понимания нарушений международного гуманитарного права. Мы еще раз вернемся к этому вопросу в заключительных замечаниях. Однако сейчас нам хотелось бы сосредоточить внимание на другом уровне анализа и выяснить, как контексты, в которых оказываются комбатанты, особенно активно способствуют акцентированию социальных идентичностей и тем самым оказывают сильное влияние на индивидуальное поведение через групповые нормы.

Процессы социальной идентификации и групповая динамика

Поскольку люди — общественные животные¹⁶, очевидно, что большая часть их жизни проходит в группах и что социальная идентичность, выступающая как производное от групповой принадлежности, является составной частью нашего естества. Некоторые психологическо-эволюционисты рассматривают группу как важный уровень, на котором происходит отбор и с наибольшей вероятностью осуществляется

15 Конечно, мы здесь не имеем в виду солдат, которые в бою убивают других солдат, — тут не о чем особо теоретизировать. Речь идет о дурном обращении и применении насилия, часто с летальным исходом, против безоружных гражданских лиц и пленных.

16 Elliot Aronson, *The Social Animal*, 4 th edn, Worth/Freeman, New York, 1984.

передача важных для групп характеристик¹⁷. Кроме этого, социальные психологи, как было показано выше, уже давно признали значение социальной идентичности для формирования установок и поведения. Последние годы были отмечены ростом интереса к мотивам социальной идентификации. Иными словами, если принадлежность к социальной группе рассматривается как данность, то причины, по которым индивидуум идентифицирует себя с конкретной социальной группой, причем иногда очень сильно, стали предметом исследования.

В ранних работах европейского социопсихолога Генри Таджфела, который создал теорию социальной идентичности, мы находим ядро мотивационного объяснения развития социальных идентичностей, в соответствии с которым принадлежность к социальной группе помогает индивидууму в самопознании и формировании непротиворечивого образа самого себя¹⁸. Эти идеи недавно получили дальнейшее развитие в теории неопределенности идентичности¹⁹, согласно которой базисная потребность уменьшить неопределенность, особенно в отношении своего личностного «я», побуждает индивидуумов идентифицировать себя с социальными группами, в первую очередь с теми, которые обладают высокой энтитативностью²⁰. Другое объяснение того, почему индивидуумы идентифицируют себя с социальными группами, было дано на стыке теории социальной идентичности и теории управления страхом²¹ — общей концепции человеческого поведения, корни которой уходят в теорию психоанализа и экзистенциализм. Чувство тревоги, изначально присущее человеческим существам, поскольку они осознают свою смертность, требуется заглушить, и одним из психологических механизмов, служащих своего рода буфером, является как раз социальная идентификация. Иными словами, человек, ощущая себя частью большой и долгоживущей общ-

- 17 Linnda Caporael, «The evolution of truly social cognition: the core configuration model», *Personality and Social Psychology Review*, Vol. 1 (1997), pp. 276–98; Elliot Sober and David S. Wilson, *Unto Others: The Evolution and Psychology of Unselfish Behaviour*, Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1998.
- 18 Henri Tajfel, «Cognitive aspects of prejudice», *Journal of Social Issues*, Vol. 25 (1969), pp. 79–97.
- 19 Michael Hogg, «Uncertainty-identity theory», in Mark P. Zanna (ed.), *Advances in Experimental Social Psychology*, Vol. 39, Academic Press, San Diego, 2007, pp. 69–126.
- 20 Emanuele Castano, Vincent Yzerbyt, David Bourguignon and Eleonore Seron, «Who may enter? The impact of ingroup identification on ingroup–outgroup categorization», *Journal of Experimental Social Psychology*, Vol. 38 (2002), pp. 315–22.
- 21 Sheldon Solomon, Jeff Greenberg and Tom Pyszczynski, «A terror management theory of social behaviour: the psychological functions of self-esteem and cultural worldviews», in Mark P. Zanna (ed.), *Advances in Experimental Social Psychology*, Academic Press, San Diego, 1991, pp. 93–159.

ности, символически преодолевает конечность собственного индивидуального существования²². В пользу этой гипотезы говорят результаты проведенных экспериментов, согласно которым люди в большей степени идентифицируют себя со «своими» и держатся друг за друга, когда они (сознательно или подсознательно) сенсibilизированы к мысли о смерти²³.

Было также показано, что в дополнение к возможному обслуживанию этих двух базовых потребностей индивидуумов идентификация с социальной общностью способна выступать как защита от чувства тревожности более «приземленного» свойства. Уже на заре развития социопсихологии исследования продемонстрировали, что испытуемые, которым предлагалось подождать начала следующего этапа эксперимента, предпочитали ждать не в одиночестве, а вместе с другими участниками, если им внушили чувство тревоги относительно самого эксперимента²⁴. Иными словами, индивидуумы, испытывающие чувство тревоги, стремятся к более тесным отношениям и близости с другими. Тревога и стресс, несмотря на различия между ними, все-таки связаны друг с другом. Поэтому не стоит удивляться тому, что идентификация с социальными группами способна ослабить стресс. Результаты недавних исследований показали — это происходит потому, что социальная идентификация влияет на степень, в которой конкретный стресс-фактор воспринимается как угроза для личного «я» (первичная оценка), и оценку лицом, испытывающим на себе действие этого фактора, своей способности с ним справиться (вторичная оценка). Хаслам, О'Брайен, Вормедал и Пенна²⁵ продемонстрировали, что среди членов групп Королевских ВВС по обезвреживанию взрывных устройств стресс, связанный с работой, обусловлен уровнем идентификации с группой, который определяет его воздействие на объем социальной поддержки от других членов группы. Чем сильнее идентификация с группой, тем сильнее ощущается поддержка и тем слабее становится испытываемый стресс.

- 22 Castano, E., Yzerbyt, V. Y., & Bourguignon, D. (2003). We are one and I like it. The impact of entitativity on social identification. *European Journal of Social Psychology*, 33, 735–754.
- 23 Emanuele Castano and Mark Dechesne, «On defeating death: group reification and social identification as strategies for transcendence», *European Review of Social Psychology*, 16 (7) (2005), pp. 221–55; Zygmunt Bauman, *Mortality, Immortality, and Other Life Strategies*, Stanford University Press, Stanford, 1992.
- 24 Stanley Schachter, *The Psychology of Affiliation*, Stanford University Press, Stanford, 1959.
- 25 Alexander Haslam, Anne O'Brien, Jolanda Jetten, Karine Vormedal and Sally Penna, «Taking the strain: social identity, social support and the experience of stress», *British Journal of Social Psychology*, Vol. 44 (2005), pp. 355–70.

Неопределенность, тревога и стресс: можно ли представить себе ситуацию, в которой эти три фактора ощущались бы полнее, чем в бою? Бой порождает неопределенность и тревогу относительно самого существования комбатантов. Они в буквальном смысле не знают, доживут ли до следующего дня. Им нужны мощные и многочисленные механизмы, чтобы преодолеть не только животный, инстинктивный страх смерти, но и экзистенциальную тревогу, о которой мы говорили выше. И поскольку индивидуумы в боевых условиях стремятся получить социальную поддержку, которая им нужна, чтобы справиться с испытываемым стрессом, социальные идентичности, соотносимые с конфликтом, выступают на передний план, и происходит поляризация конкурирующих представлений.

Социальные идентичности комбатантов многочисленны и как бы вложены друг в друга. В случае межгосударственного конфликта эти идентичности выступают как производные от национальной идентичности, а также идентичности армии соответствующего государства и в конечном счете подразделения, к которому принадлежит комбатант. В начале конфликта можно ожидать, как показано выше, того, что восприятие «чужаков» становится более негативным, а сами они демонизируются и лишаются человеческих черт. Вероятность этого явления особенно высока среди военнослужащих, у которых склонность к восхвалению «своих» превышает среднестатистический показатель. Более высока и вероятность того, что военнослужащие будут считать себя связанными долгом защищать стоящих на более высоком моральном уровне «своих» от дегуманизированных «чужаков». Поэтому и международное гуманитарное право они могут воспринимать как не вполне применимое, ведь и неприятель в конце концов тоже не вполне может быть причислен к роду человеческому. Следовательно, и угроза санкций становится еще менее эффективной, чем в нормальных условиях. В самом деле, по мнению ряда исследователей, дегуманизация и другие аналогичные стратегии являются инструментами морального исключения и делегитимизации²⁶. Тем, кто этому подвергается, как бы отказывают в законном существовании. Их исключают из общества, подчиняющегося нормам морали, и, соответственно, из сферы действия правосудия²⁷.

26 Daniel Bar-Tal, «Causes and consequences of delegitimization: models of conflict and ethnocentrism», *Journal of Social Issues*, Vol. 46 (1990), pp. 65–81; Susan Opatow, «Moral exclusion and injustice: an introduction», *Journal of Social Issues*, Vol. 46 (1990), pp. 1–20.

27 Институционализированную форму этого психологического процесса можно наблюдать в случаях, когда индивидуумов классифицируют таким образом, чтобы лишить их приви-

Литература о Холокосте позволяет лучше понять это явление. Когда Гитлер послал свои полицейские батальоны истреблять на завоеванных восточных территориях евреев и представителей других конкретных категорий, например большевиков, командиры вначале приказывали своим подчиненным расстреливать женщин и детей, представляя их, среди прочего, участниками заговора против германского народа, что соответствовало клише, которое пропаганда массированно внедряла в сознание немцев в предвоенные годы. Широко признается, что эта стратегия, в числе других, оказалась эффективным средством убеждения обычных людей в необходимости стрелять в детей²⁸. Многие авторы указывали — и сейчас это подтверждено полученными эмпирическими данными: тому, кто встал на путь убийства, убивать становится все легче и легче²⁹.

Когда неприятеля представляют в виде злокозненного недочеловека, создается атмосфера, допускающая возможность совершить действия, которые раньше казались немислимыми. Такая дегуманизация неприятеля происходит на разных уровнях общества. Она может широко пропагандироваться высокопоставленными политиками и правительственными чиновниками или прививаться армии, на которую сваливается вся грязная работа на войне. Нам кажется, что уроки Второй мировой войны — по крайней мере в западных странах — послужили прививкой от такой извращенной логики. Однако в этом смысле единственная переменная — кто же является неприятелем и, в зависимости от точки зрения той или иной стороны, кто — «хороший», а кто — «плохой». Один американский солдат во время войны во Вьетнаме рассказал: «День изо дня тебе вдалбливают: «... желтопузые, желтопузые, желтопузые...»³⁰, а когда военным удастся тебя убедить, что эти люди — вовсе и не люди, а так, недочеловеки, убивать их становится легче».

Процесс, посредством которого демонизация и дегуманизация неприятеля группой в целом могут повлиять на поведение комбатантов, абсолютно ясен. Если мы рассмотрим конкретные обстоятельства,

легий и защиты. Примером этого могут служить горячие споры, ведущиеся в США вокруг понятия «неприятельский комбатант».

28 Christopher Browning, *Ordinary Men: Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland*, HarperCollins, New York, 1992.

29 Andi Martens, Spee Kosloff, Jeff Greenberg, Mark Landau and Toni Schmader, «Killing begets killing: evidence from a bug-killing paradigm that initial killing fuels subsequent killing», *Personality and Social Psychology Bulletin*, Vol. 33 (2007), pp. 1251–64.

30 Gook — презрительное прозвище вьетнамцев.

в которых действуют боевые подразделения, становится еще яснее, каким образом ситуация выходит из-под контроля. Мы проиллюстрируем это материалами исследований, основанными на признательных показаниях. Произведенный исследователями анализ признательных показаний, которые дали на допросах лица, подозреваемые в совершении таких преступлений, как убийство, показал, что индивидуумы могут начать считать, будто они совершили преступление, хотя на самом деле этого не делали. Вероятнее всего это может произойти, когда подозреваемого допрашивают в условиях, создающих высокий уровень усталости и стресса (продолжительный допрос и недостаток сна, усиливающие очевидный ситуационный стресс), а также в результате использования методов допроса, заставляющих допрашиваемого поверить, что жертва на самом деле заслужила свою участь или, по крайней мере, что подозреваемый совершил убийство по причинам, поддающимся пониманию³¹. Во многих случаях такие признательные показания оказываются самооговором. В подобных ситуациях действует целый ряд факторов, однако в данном случае нас интересует, каким образом на готовность подозреваемого признаться в преступлении, которого он не совершал, влияет внушенная ему убежденность в том, что жертвы так или иначе заслужили свою участь (дознатель: «Я могу понять, почему вы это сделали... Любой поступил бы также, окажись он в вашем положении. Она буквально сама напросилась...»). По нашему мнению, здесь срабатывает механизм совместного создания дознавателем и подозреваемым «реальности», в которой преступление представляется как совершенное по причинам, доступным пониманию, а преступник — как лишь отчасти виновный. Как только подозреваемый подписывает признательные показания, настоящая реальность занимает положенное ей место, и последствия для невиновного подозреваемого могут быть катастрофическими³².

Аналогичный процесс может иметь место в боевых условиях. Личный состав подразделения постоянно оказывается в крайне стрессовых ситуациях, в которых дегуманизирующая риторика в отношении «чужаков» ежедневно с легкостью находит подтверждение. Сплоченность подразделения, высокая и в обычных условиях по причинам, изложенным выше, может еще больше усилиться и привести

31 Saul Kassin, «On the psychology of confessions: does innocence put innocents at risk?», *American Psychologist*, Vol. 60 (2005), pp. 215–28.

32 Saul Kassin, Christine Goldstein and Kenneth Savitsky, «Behavioural confirmation in the interrogation room: on the dangers of presuming guilt», *Law and Human Behaviour*, Vol. 27 (2003), pp. 187–203.

к групповой динамике, в результате которой поведенческие решения группы могут стать более поляризованными, чем таковые каждого ее индивидуального члена³³. Следует отметить, что поляризация, отмечаемая в исследованиях по социальной психологии, не означает, что групповое поведение всегда будет более негативным, чем индивидуальное³⁴. На самом деле термин «поляризация» используется для того, чтобы донести мысль о том, что группа, вероятно, будет принимать поведенческие решения (или формировать установки), которые просто окажутся более экстремальными, чем таковые ее индивидуальных членов. Если исходные установки и поведенческие интенции положительны, то поляризация группы, возможно, будет ориентирована в позитивном направлении. В бою исходные поведенческие установки и интенции членов группы смещаются в сторону групповых и направляются против «чужаков». Поэтому велика вероятность того, что усилившаяся идентификация, сплоченность и групповая динамика будут генерировать поляризацию, в результате которой начнет восприниматься как позволительное дурное обращение с ни в чем не повинными гражданскими лицами и пленными или даже их убийство. Военная подготовка в государственных армиях на первое место ставит дисциплину и соблюдение норм и правил (например, правил применения силы и норм международного гуманитарного права). Однако, учитывая значение группы для каждого из ее членов, особенно малочисленного и сплоченного подразделения, которое столько делает для душевного равновесия входящих в него военнослужащих, позволительно усомниться в том, что практика соответствует теории. На основании информации, полученной из единственного ставшего доступным нам источника, можно сделать вывод о том, что дело с этим обстоит не лучшим образом.

Согласно недавно опубликованным результатам опроса американских военнослужащих в Ираке, только половина солдат или даже меньше сказали, что доложили бы о таком серьезном нарушении, как убийство невиновного гражданского лица, совершенном военнослужащим из состава того же подразделения³⁵. Эту позицию подтверждает унтер-офицер, который сказал: «Мы предпочитаем решать вопро-

33 Serge Moscovici and Marisa Zavalloni, «The group as a polarizer of attitudes», *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 12 (1969), pp. 125–35.

34 Stephen Reicher, «Crowds and social movements», in Michael Hogg and Scott Tindale (eds.), *Blackwell Handbook of Social Psychology: Group Processes*, Blackwell, Oxford, 2002.

35 James Conway, *Mental Health Advisory Team (MHAT) IV Brief*, US Army Medical Department, Washington DC, 2007.

сы внутри подразделения и сдадим кого-нибудь из своих только в том случае, если нарушение создает угрозу для личного состава подразделения». Опрошенным в рамках этого исследования примерно 6 тысячам солдат и морских пехотинцев был задан вопрос об обращении с некомбатантами и об их отношении к пыткам. Только 47% солдат и 38% морпехов сказали, что все некомбатанты должны пользоваться достойным и уважительным отношением, а 17% в обеих группах заявили, что с некомбатантами следует обращаться как с повстанцами. Более того, 41% солдат и 44% морских пехотинцев ответили, что пытки должны быть разрешены, если это спасет жизнь солдата или морского пехотинца и, соответственно, 36% и 39% ответили, что пытки следует разрешить для получения важных сведений о повстанцах.

Если рассматривать их в абсолютных значениях, эти процентные доли проблематичны, потому что не меньше половины опрошенных солдат и морских пехотинцев выразили относительно надлежащего поведения при исполнении служебных обязанностей такие мнения и убеждения, которые соответствуют нарушениям международного гуманитарного права. В настоящее время в Ираке находятся более 100 тысяч военнослужащих. Это означает, что от 40 до 50 тысяч солдат и морских пехотинцев ведут боевые действия, во время которых, если основываться на их ответах, данных в рамках опроса, готовы совершать нарушения. Однако в ходе многочисленных бесед, которые у нас были с представителями военного персонала различных стран, те высказывали мнение, согласно которому вооруженные силы США относятся к числу наиболее подготовленных в плане правил применения силы и норм международного гуманитарного права армий мира. И тем не менее половина военного контингента США, в настоящее время размещенного в Ираке, демонстрирует представления, установки и поведенческие интенции, находящиеся в явном противоречии с обоими этими кодексами поведения.

Далее, сравнение ответов солдат и морских пехотинцев позволяет сделать интересный вывод. В целом складывается впечатление, что морские пехотинцы менее склонны соблюдать правила применения силы и нормы, касающиеся обращения с некомбатантами, и относятся с большим одобрением к идее применения пыток. Различие — небольшое, но оно отмечается систематически и должно заставить нас задуматься и о другом влиянии, которое может оказывать социальная идентификация подгрупп внутри одной и той же армии. Поскольку мы не получили запрошенные нами исходные данные, послужившие основой для доклада, то не смогли установить, обусловлены ли указанные различия, например, тем, что морским пехотинцам чаще при-

ходится участвовать в боевых действиях и испытывать их негативное воздействие на психическое здоровье³⁶. Однако имеющиеся данные как раз свидетельствуют о том, что по сравнению с солдатами морские пехотинцы реже знают лично кого-либо, кто был серьезно ранен или убит, реже становятся свидетелями потерь среди личного состава своего подразделения, реже видят убитых или серьезно раненных американцев и реже сами уничтожают неприятельских комбатантов. Соответственно, у них выше моральный дух и реже обнаруживаются психические отклонения. Это означает, что большая склонность к нарушениям, которая прослеживается в установках и представлениях морских пехотинцев, по крайней мере в обследованной выборке, не может быть отнесена на счет более сильного стресса или психических отклонений. Тогда остаются только групповые нормы. Создается впечатление, что морские пехотинцы в плане обращения с некомбатантами, пыток и правил применения силы придерживаются норм, отличающихся от тех, которыми руководствуются обычные солдаты. Это наблюдение подводит к следующему заключению: различные формирования в рамках одних и тех же вооруженных сил по-разному понимают принципы, которые должны считаться универсальными, и конкретные нормы, которые регламентируют их действия в боевых условиях. Мы осмелимся предположить, что морские пехотинцы получают более продвинутую подготовку, чем простые солдаты, и потому было бы интересно установить, чем обусловлено такое пренебрежение к тому, что считается одним из важнейших аспектов их обучения.

В этом, втором, разделе мы рассмотрели теоретические положения и выводы социопсихологии, касающиеся мотивов социальной идентификации, и пришли к заключению, что в боевых условиях сильно ощущается действие ряда факторов, которые могут привести военнослужащего к более высокой степени идентификации с подразделением и укреплению сплоченности личного состава. Далее, мы смогли констатировать, что это может привести к появлению установок и представлений, идущих вразрез с международным гуманитарным правом, прежде всего потому, что военнослужащие подразделения могут начать видеть себя на переднем краю битвы со злом, которую ведет более крупная группа (этническая, религиозная или идеологическая), к которой они принадлежат. Наконец, мы обобщили статисти-

36 Обнаружение психических отклонений означает увеличение в два раза вероятности совершения обследуемым таких нарушений, как неоправданное уничтожение частной собственности иракцев или немотивированное избиение некомбатанта. См. выше, Copway, примечание 35.

ческие данные, полученные в ходе недавнего опроса американских солдат и морских пехотинцев, расквартированных в Ираке. И вырисовывается довольно безрадостная картина относительно представлений респондентов, касающихся обращения с некомбатантами, применения пыток и соблюдения правил применения силы.

Заключительные замечания

В настоящей статье мы попытались показать, что принадлежность к группе и особенно социальные идентичности, производные от этой принадлежности, являются важными аспектами, которые надлежит принимать в расчет для глубокого понимания поведения комбатантов и причин нарушения ими международного гуманитарного права. В своих построениях мы основывались на широком использовании теории социальной психологии и результатов исследований в этой области, из которых следует, что: i) индивидуумы идентифицируют себя с социальными группами по целому ряду мотивов — от широко понимаемых экзистенциальных до эпистемологических; ii) контекст применения международного гуманитарного права по самой своей природе является межгрупповым, то есть его соблюдение и его нарушения определяются нормами, вырабатываемыми на уровне социальной, а не индивидуальной идентичности; iii) конфликт в межгрупповых контекстах, вероятно, будет характеризоваться процессами, которые ведут к восхвалению «своих» и дегуманизации «чужаков» и, соответственно, стремлению уничтожить последних, что рассматривается как моральный долг; и iv) в бою социальные идентичности играют очень важную роль, и возможна более выраженная поляризация межгруппового поведения, учитывая обстоятельства, которые ведут к растущему презрению к «чужим» и, как следствие, ослаблению соблюдения таких норм, как правила применения силы и международное гуманитарное право.

Основываясь на результатах собственных исследований и выводах наших коллег³⁷, мы высказали мнение, что жестокое отношение, повседневно проявляемое комбатантами (да и некомбатантами тоже) к пленным, другим солдатам и просто гражданскому населению, не может быть отнесено исключительно на счет расстройств личности, безразличия или банальности, которые занимали центральное место в предыдущих объяснениях. Мы утверждаем, что важное значе-

37 Reicher, Haslam and Rath, см. выше примечание 14.

ние имеет сама история, которую группа, вступая в конфликт, рассказывает себе, — история о самой себе, о группе, с которой она находится в конфликте, и об их взаимоотношениях (истоки которых иногда коренятся в далеком прошлом)³⁸. Восхваление своих и, соответственно, представление «чужих» в виде зла, подлежащего уничтожению, способствуют созданию контекста, в котором истребление «чужих» не только не вызывает проблем, но и выступает как требование морали. На этом психологическом фоне групповая динамика на уровне боевого подразделения делает возможным поведение, одновременно аморальное и запрещенное правилами применения силы и международным гуманитарным правом.

И что же следует из всего сказанного выше? Если зверства совершаются не психопатами, обследование личного состава наших вооруженных сил с целью их выявления ненамного улучшит соблюдение международного гуманитарного права. Если зверства не являются следствием бюрократизации, разделения труда и удаленности нарушителя от жертвы, мониторинг этих процессов данную проблему не решит. Однако если зверства совершаются потому, что межгрупповой конфликт часто, если не всегда, представляется как борьба добра со злом, и комбатанты, вероятно, придадут этому экстремальное значение и начнут действовать соответственно, предупреждение нарушений окажется еще более сложной и трудоемкой задачей, поскольку нарушения совершают не только партизаны и не прошедшие подготовку ополченцы. Хотя в этих случаях проблема ощущается острее из-за недостатка военного профессионализма, который может ослабить воздействие таких представлений о неприятеле, не все благополучно и в государственных вооруженных силах, как показали недавние события: имеются в виду массовые убийства гражданских лиц сербской армией в Сребренице³⁹, пытки заключенных в иракских тюрьмах и в Гуантанамо американскими военнослужащими⁴⁰. Если даже хорошо обученные военнослужащие армии США ведут себя далеко не безукоризненно с точки зрения этики военного

38 Branimir Anzulovic, *Heavenly Serbia: From Myth to Genocide*, New York University Press, New York and London, 1999.

39 Adam LeBor, *Complicity with Evil: The United Nations in the Age of Modern Genocide*, Yale University Press, New Haven, 2006.

40 Новое определение пыток, данное Администрацией США (или, в данном случае, Американским психологическим обществом), как нам кажется, никак не может повлиять на оценку действий, совершенных военнослужащими и представителями разведывательных служб США.

дела, добиться более полного соблюдения международного гуманитарного права комбатантами будет очень не просто. Проведенный нами анализ показывает, что демонизация «чужаков» на всех уровнях, возможно, является важным фактором, влияющим на поведение комбатантов, и в этом смысле, вероятно, были достигнуты определенные успехи. Когда США в 2003 г. начали военное вторжение в Ирак, президент Буш открыто заявил, что Саддам и его окружение (нечетко определенное) олицетворяют зло и их не следует отождествлять с иракским народом. Это — очень важное и правильное различие, которое может помочь ослабить некоторые из перечисленных выше негативных процессов. Но многое ли изменилось? Реалии вооруженной борьбы сильно отличаются от условий, в которых проведение таких различий не вызывает сложностей. Когда ты опасаясь за собственную жизнь и стремишься отомстить за гибель своих товарищей, все враги «на одно лицо»⁴¹ и вряд ли такие различия будешь проводить. Даже если они и проводятся, тот, кого мы воспринимаем как олицетворение зла, все равно — человек, и потому бесчеловечное обращение с ним аморально, вредно и в большинстве случаев незаконно. Если же поставить вопрос еще более радикально, уместно будет спросить себя, каков смысл этого различия, когда мы бомбим районы, где есть гражданское население, а потери среди ни в чем не повинных гражданских лиц, например в войне в Ираке, оцениваются в сотни тысяч.

Вывод, который следует из нашего анализа, не очень оптимистичен. По нашему мнению, нарушения международного гуманитарного права могут совершаться под влиянием внутригрупповой «идеи», по крайней мере она делает их возможными. Эта «идея» становится особенно разрушительной для «чужих» в условиях конфликта. Данная «идея» участвует в формировании групповой идентичности, и ее выкорчевывание может оказаться трудным делом. Далее, политический дискурс, способный ее ослабить, не преминет вызвать жесткое противодействие и будет охарактеризован как непатриотичный. Но отчаиваться не стоит. Первый шаг к снижению вероятности совершения нарушений международного гуманитарного права состоит в выявлении факторов, которые им способствуют. По нашему мнению, усилия по распространению знаний о международном гуманитарном праве и его максимально широкому внедрению в обучение должны

41 Brian Mullen and Li-Tze Hu, «Perceptions of ingroup and outgroup variability: A meta-analytic integration», *Basic and Applied Social Psychology*, Vol. 10 (1989), pp. 233–52.

быть продолжены. При этом необходимо позаботиться о том, чтобы соблюдение его центральных норм стало частью идентичности солдата (а не становилось бы предметом запоздалых раздумий) и чтобы подразделения, особенно когда они участвуют в ожесточенном конфликте, не оказывались в психологической изоляции от более крупных частей и соединений, к которым они принадлежат.

Пока конфликты с применением насилия будут оставаться частью нашей жизни, будут совершаться и нарушения международного гуманитарного права. Тем не менее мы надеемся, что обобщенные нами данные психологических исследований о процессах социальной идентификации помогут определить направления усилий тех, кто стремится свести к минимуму такие нарушения.

